

Когда разговариваешь с Юрием Евгеньевичем ЛАВРЕНКО, доцентом кафедры ТОР, забываешь, что ему 86. Глаз горит, речь идеально стилистически выверена. Да и знает он, кроме русского, еще четыре языка. В общем, вспомнила, что я — женщина, и влюбилась в него с первого взгляда. После встречи с ним захотелось жить долго. А еще захотелось радоваться этой жизни каждый день.

Рефлекс цели

— Юрий Евгеньевич, приближается светлый праздник со слезами на глазах. Вас где война застала?

— 13 июня 1941 года я выехал к родственникам в Харьков, и через неделю было объявлено, что началась война. Вернулся в Ленинград только через пять лет.

— И было вам 17 лет?

— Да, и я десять классов не окончил, только девять. Честно говоря, не ожидал народ, что все так повернется. Нас все время учили, что мы «малой кровью, могучим ударом» отобьем всяких врагов. К тому времени, когда люди все поняли, Ленинград уже был отрезан, и мы остались в оккупации. В октябре 41-го года Харьков был занят немцами, первый раз его освободили в феврале 43-го, и я сразу пошел в армию. Другого пути практически не было.

— Как удалось выжить?

— Радиотехника мне помогла. Наступление началось от Сталинграда, и когда наши войска подошли к Харькову, там уже оставалось меньше четверти солдат. Поэтому в армию брали всех подряд. Винтовку в руки — и пошел. Я пришел на сборный пункт, там было много таких ребят, как я, и вдру старший лейтенант спрашивает: кто из вас в радиотехнике разбирается? А я к тому времени был радиолюбителем. Естественно, выступил вперед. И он меня взял радиомастером в танковый батальон. Если бы этого не случилось, наверняка мне дали бы винтовку и послали в бой. Так мой троюродный брат, ему было всего 14 лет, погиб под Полтавой. И я некоторое время, пока нашу часть не разбили под Харьковом, служил в этом батальоне. В 43-м готовилось Курское наступление. И, видимо, был такой приказ по армии — всех лиц, которые были в оккупации, отправить в другие части. И опять мне счастье улыбнулось — нашу группу направили в учебный танковый полк во Владимире. В этом полку были курсы радиомастеров. Я их окончил.

— Чем занимается радиомастер?

— Радиомастер чинит радиостанции, которые стоят на танках. Техническая работа. Меня все это страшно интересовало. Окончил курсы лучшим, и меня оставили учить танковые экипажи. В этом учебном полку я продолжал свою службу до конца войны. Сначала там учились на легких танках, потом самоходных, все они имели радиостанции, и, естественно, экипаж должен был уметь ими управлять. В 46-м году я из армии демобилизовался.

— А в бою страшно было?

— В то время мы были еще молодые. Не было страха. И ужаса не было. Летят пикирующие бомбардировщики, смотришь на них — если не на тебя падает, то и слава богу. — А фронтовой быт? Помыться-то можно было?

— Если удастся — помоешься. В тылу раз в две недели организовывали мытье. Давали кусочек мыла, белье прожаривали в печках, чтобы вшей не было. А на фронте мылись только тогда, когда часть из боев выводили.

— А если промокли?

— Кого это волновало?! Сами как могли, так и выходили из этого положения. Все сохло на теле. Но люди не болели. Организм мобилизовывался.

— И их благородие госпожа удача была с вами?

— Всю жизнь меня сопровождала (смеется). Я счастливый человек в этом отношении.

— Почему в ЛЭТИ решили поступать? Ваши родители, насколько я знаю, совсем другой наукой занимались...

— Да, отец был действительным членом Академии наук. Он занимался геоботаникой — это наука о связи растительности с климатическими и природными условиями. А мама была специалистом по микроскопическим водорослям — диатомам. Была лауреатом Сталинской премии, которая потом стала Государственной. В общем, мои родители были известными людьми. А я пошел по другой стезе.

— Как же вы в ЛЭТИ поступили без аттестата?

— Да, мне было уже 22 года, а аттестата не было. В общем, недоучка. А в женской школе был экстернат. И я стал сдавать экзамены за 10 классов школы. В институт мои документы приняли условно. Подошло зачисление. Я явился на него, директор института Павел Иванович Скотников листает мое дело и спрашивает: а где же твой аттестат? Я отвечаю: осталось два экзамена. Так меня условно и зачислили на радиотехнический факультет. Учился здесь до марта 52-го года. Работал в «почтовых ящиках», потом вернулся

в аспирантуру. После аспирантуры остался в институте.

— Воспоминания об учебе светлые остались?

— Очень светлые. Студенческая жизнь всегда интересная. Но, к сожалению, учили нас очень плохо. К тому времени старых профессоров почти не осталось. Когда началась война, в институте арестовали человек двадцать профессоров, которых обвинили в том, что они якобы готовили новый состав правительства, когда немцы займут Ленинград. Чужь ужасная. А это были самые толковые и знающие преподаватели. И большинство из них уже не вернулись — они погибли. Читали «Наследника из Калькутты» Роберта Штильмарка?

— Знаю такого писателя...

— У него есть книга «Падшие ангелы».

Она автобиографическая, он описывает свое хождение по мукам — из лагеря в лагерь. Вспоминает, что на одном из пересыльных пунктов он встретил профессора нашего института Тимофеева. Тимофеев вернулся и еще лет десять проработал. Практически один из этой когорты. Так вот, учили нас плохо. И самым ярким впечатлением были лекции моего будущего учителя — профессора Юрия Яковлевича Юрова. Он первый показал нам, студентам, что математика является орудием. Она позволяет рассматривать разные, казалось бы, не связанные процессы с одной точки зрения — они удивительно похожи уравнениями.

И, следовательно, ведут себя совершенно одинаково, хотя процессы могут быть механическими, электрическими, еще какими-то. Это дает колоссальные возможности.

— А девчонки когда вас начали интересоваться?

— Наверное, уже после армии. В армии не до этого было. Их там и было-то мало — санитарки да поварахи. А в институте очень заинтересовали. И когда я уже работал в «почтовом ящике», я женился. К сожалению, жена уже умерла. Она окончила Институт связи имени Бонч-Бруевича, так что была родственна по специальности. Потом работала в ЛЭТИ.

— Не брюзжите: какая молодежь нынче пошла?

— Зачем? Молодежь есть молодежь. В конце концов, мы тоже были молодыми и тоже чем-то отличались от своих родителей. Я очень часто критиковал существующие порядки. Юрий Яковлевич Юров говорил: смотрите, все может вернуться. Я не боялся, хотя знал все происходящее. В доме, где я жил, половина сотрудников Ботанического института сидели. Это были не инженеры, не военные специалисты, это были ботаники. По молодости меня не очень это пугало.

— Понятие инстинкта самосохранения для вас существовало? Вы береглись?

— Трудно сказать. В армии этот инстинкт существовал, но совершенно в другом аспекте. Я не боялся, что меня посадят в тюрьму, боялся наряда вне очереди.

— Вы были членом партии?

— Никогда. Когда я был в армии, меня наш парторг донимал: Юра, почему ты не вступаешь? Я говорил: некогда. В институте меня тоже спрашивали: почему? А в то время ходил такой анекдот: в графе «были ли колебания в проведении линии партии» человек пишет: «колебался вместе с генеральной линией». Вот и я колебался.

— Насколько я знаю, у вас династия — внуки в ЛЭТИ работают...

— У меня трое сыновей и трое внуков. Все мои внуки окончили очень хорошую 239-ю школу. Внук и внучка пошли по моим стопам. Сейчас работают в научно-исследовательском институте при ЛЭТИ. Заказы идут от силовых структур, деньги довольно приличные.

— Свободное время как проводите?

— Пролдожаю работать над теми пробле-

мами, которыми занимаюсь в институте. Года четыре назад я добился, чтобы изменили направление курса технической электродинамики, который связан с техникой СВЧ. Наши преподаватели продолжали учить так, как было 50 лет назад. А за это время изменилось все колоссально.

— Мир изменился?

— Не только мир — вся техника. Все проекты, которыми мы занимались, требуют использования программных средств. Студенты вчерне рассчитывают устройство, а затем создают его на экране компьютера, снимают характеристики, то есть заставляют его жить. Именно так сейчас и работают все в мире. Делается компьютерная модель, и очень часто прямо после этой модели можно уже делать готовое изделие. Этим я и занимаюсь.

— Неужели только о работе в свободное время думаете?

— Перед сном обычно что-нибудь читаю. Сейчас перечитываю Дюма. «Трех мушкетеров», «Десять лет спустя», «Виконта де Бражелона», «Графиню де Монсору». Очень легко Дюма пишет. И занимательно. Кроме этого, у меня еще есть хобби, которое тоже связано с радиотехникой, — коротковолновая радиолобительство. У нас есть ассоциация любителей радиосвязи Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Там около пятисот человек.

— Вы азартный человек?

— Да, и достаточно сильно. Когда был студентом, занимался спортом по-настоящему — горными лыжами и альпинизмом. Старался участвовать во всех соревнованиях. Честно говоря тогда играло существенную роль. Как-то это отразилось и на моих радиопристрастиях. Радиолобительство дает колоссальный стимул. Большинство моих соратников — профессионалы. Один цифровой техникой занимается, другой антеннами, третий еще чем-то. И они глубоко разбираются в своих областях. А вот в смежных — не очень. Радиолобительство заставляет разбираться во всем. Там же и приемник, и передатчик, и антенна, и цифровая техника, и распространение радиоволн. Поэтому я среди сотрудников кафедры являюсь белой вороной — интересуюсь всей радиотехникой в целом.

— Я смотрю на вас и поражаюсь — 1924 год рождения тут и рядом не лежал. Как вам это удается?

— Интерес к жизни. У первого российского нобелевского лауреата академика Павлова есть маленькая статья, которая называется «О рефлекс цели». Если у человека есть цель, даже самая примитивная, — собирать марки, спичечные коробки, то он проживет очень долго, потому что это его поддерживает. Если человек теряет цель, он очень быстро умирает. Часть преподавателей, у которых я учился, к концу своей преподавательской карьеры теряли интерес к своей специальности. И они умирали быстро.

— Ваша самая характерная черта?

— Спокойствие.

— Качество, которое вы больше всего цените в мужчине?

— Порядочность.

— В женщине?

— Доброта.

— Что больше всего цените в ваших друзьях?

— Широкий взгляд на жизнь.

— Что больше всего ненавидите?

— Жестокость.

— Какой момент в военной истории цените больше всего?

— Победу, естественно.

— Ваше состояние духа в настоящий момент?

— Всегда хорошее. У меня никогда не бывает депрессии. У врачей последний раз был 15 лет назад.

— Помните фильм «Доживем до понедельника»? Там герой писал: «Счастье — это когда тебя понимают» Продолжите фразу «Счастье — это...»

— Счастье — это когда ты живешь полной жизнью. Если не любить жизнь, то нужно помирать.

Беседу вела Наталья КУЗНЕЦОВА